

А. М. Хазанов

ОБЩИНА В РАЗЛАГАЮЩИХСЯ ПЕРВОБЫТНЫХ ОБЩЕСТВАХ И ЕЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ СУДЬБЫ*

ТЕРМИН «община», пожалуй, — один из самых полисемантических терминов, употребляемых в исторической науке. Общиной называют и основную структурную единицу первобытного общества (ср. «первобытнообщинный строй»), и территориально-административную самоуправляющуюся ячейку в системе государственных связей, античный полис и средневековый город, избирательный округ и объединение, основанное на конфессиональном принципе, и т. д.

Даже если отбросить наиболее расширительные употребления термина, по-прежнему остаются сомнения в его однозначности. Л. Б. Алаев, например, определял общину как «характерный для докапиталистических общественно-экономических формаций естественно возникший социальный коллектив непосредственных сельскохозяйственных производителей, в собственности или во владении которых находятся средства производства...»¹. В то же время Ю. М. Кобищанов считает «общинными все формы организации человеческих групп, зиждущихся на основе принципов первобытнообщинного строя, родственной близости и взаимопомощи, а не на принципе классовости, т. е. господства, подчинения и эксплуатации»².

Сходное положение дел существует и за рубежом. Например, Дж. Мэрдок понимает общину (community) как «общее обозначение групп, организованных на преимущественно локальной основе». Отсюда следует его утверждение, что наряду с нуклеарной семьей община является «единственной подлинно универсальной социальной группой»³. А в словаре Вебстера община лишь в одном из пяти приводимых значений определена как «группа людей, имеющих общую организацию, или интересы, или живущих в одном месте при одних и тех же законах»⁴.

* Доклад, прочитанный на симпозиуме «Типы общин в древнем мире» в январе 1974 г. в Москве.

¹ Л. В. Алаев, *Община*, «Советская историческая энциклопедия», т. 10, М., 1967, стр. 418.

² Ю. М. Кобищанов, *Типы и формы общины в Африке*, «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», вып. II, М., 1972, стр. 176.

³ G. P. Murdock, *Social Structure*, N. Y., 1965, стр. 79.

⁴ Websters New Collegian Dictionary, N. Y., 1960, s. v. *Community*.

Конечно, можно просто посетовать на несовершенство и неразработанность терминологии. Но беда не в ней одной. Сама полисемантность термина возникла не случайно. Дело в том, что единый критерий для выделения общинных форм организации практически отсутствует. В одних случаях под общинами понимают структуры с преобладанием социально-экономических (производственных) связей, в других — с преобладанием социально-территориальных или территориальных связей, но нередко их попросту смешивают воедино.

Следует отметить, что и для такого смешения имеются известные основания. Во-первых, различные структуры, условно объединяемые под термином «община», все же не разделены друг от друга непроходимой стеной. Социально-экономические связи дополняются территориальными, а территориальные — социальными и даже экономическими. Во-вторых, всем таким структурам предшествовали первобытные общины с их нерасчлененным единством различных функций и связей.

Поэтому во избежание путаницы и взаимонепонимания в любых докладах и исследованиях, касающихся общины, на мой взгляд, необходимо четко оговаривать, что конкретно под ней подразумевается. Здесь речь идет преимущественно об общинах в первобытном обществе, т. е. о структурах, в которых преобладающими и определяющими были социально-экономические связи.

Если не считать второстепенных и промежуточных форм, то можно сказать, что для всей многотысячелетней истории первобытного общества советские этнографы в настоящее время часто выделяют два основных и последовательно сменяющих друг друга типа общины: родовую и соседскую. Первый характерен для ранних этапов истории первобытного общества, второй — для времени его разложения, а в трансформированном виде — и для многих докапиталистических классовых обществ.

Применительно к родовой общине наименьшие споры вызывает сам термин, принятый всеми или почти всеми. Но вопросы, связанные с временем ее появления, ее сущностью и соотношением в ней собственно родовых и общинных институтов все еще остаются дискуссионными⁵. Напротив, сущность соседской общины особых сомнений у этнографов не вызывает, но общепотребительный термин для ее наименования до сих пор отсутствует.

Поскольку настоящий доклад ограничен определенными хронологическими или, точнее, стадийными рамками, проблем, связанных с родовой общиной, я в нем касаться не буду и поэтому перехожу к вопросу о соседской общине.

Как известно, соседская община была открыта в XIX в. на материалах классовых земледельческих обществ. Поэтому долгое время ее именовали «сельской» или «земледельческой». Эти термины и сейчас имеют довольно широкое распространение в этнографических и особенно исторических работах. Однако теперь установлено ее наличие не только у земледельцев, но и у кочевников, а также у охотников и рыболовов⁶. Тем самым доказан

⁵ Ср. Н. А. Б у т н о в, Первобытнообщинный строй. (Основные этапы и локальные варианты), ПИДО, I, М., 1968, стр. 134 слл.; В. Р. К а б о, Первобытная община охотников и собирателей. (По австралийским материалам), там же, стр. 223 слл.; Ю. И. С е м е н о в, Проблема начального этапа первобытного общества, там же, стр. 175 слл.; Ю. В. Б р о м л е й и А. И. П е р ш и ц, Ф. Энгельс и некоторые проблемы первобытной истории, в сб. «Проблемы этнографии и антропологии в свете научного наследия Ф. Энгельса», М., 1972, стр. 16 слл.

⁶ См., например, Б. О. Д о л г и х и М. Г. Л е в и н, Переход от родовых связей к территориальным в истории народов Сибири, ТИЭ, н. с., т. XIV, М., 1954; Л. П. П о т а п о в, О сущности патриархально-феодальных отношений у кочевых народов Средней Азии и Казахстана, ВИ, 1954, № 6; А. И. П е р ш и ц, Развитие форм собствен-

ее универсальный характер на определенной стадии общественного развития. Поэтому в этнографии для обозначения такой общины вместо термина «сельская» значительно большее распространение получил в настоящее время термин «соседская».

Под соседской общиной подразумевается социально-экономическая структура, состоящая из ведущих самостоятельное хозяйство отдельных семей, объединенных друг с другом территориально-соседскими связями, производственными процессами и совместной собственностью на главное средство производства (землю, или пастбища, или промысловые угодья). Сочетание частной собственности отдельных семей с коллективной общинной и составляет тот изначально присущий любой соседской общине дуализм, о котором писал К. Маркс⁷.

Подобные общины обнаружены не только в классовых докапиталистических обществах, но также в первобытных, на стадии их разложения, причем в последних они получили универсальное распространение, несмотря на определенные различия локального, стадияльного и типологического характера. Эти общины различными этнографами рассматриваются либо как ранний этап собственно соседской общины, либо как переходный к ней тип, либо, наконец, как самостоятельный в таксономическом отношении тип общины. Соответственно для их наименования предложены различные термины: первобытная соседская община, семейно-родовая община, гетерогенная община⁸. Следует, однако, подчеркнуть, что, как только мы переходим к их определениям, предлагаемым различными этнографами, то обнаруживается, что принципиальных различий между ними не имеется. По существу речь идет об одном и том же типе общины. В дальнейшем я буду пользоваться предложенным А. И. Першицем термином «первобытная соседская община», так как он имеет хронологический приоритет. Этот термин подчеркивает принципиальное структурное тождество первобытной соседской общины с соседской общиной классовых обществ и вместе с тем обращает внимание на ее отличительные черты, связанные со стадияльной спецификой.

Характерными чертами первобытной соседской общины можно считать: наличие общей территории, общественного имущества и общинное землевладение при частносемейном землепользовании, наличие общинных органов управления, различные формы кооперации и взаимопомощи между общинниками, их совместное выступление в войнах и делах, связанных с межобщинными отношениями, наличие определенного идеологического (религиозного) единства общинников, переплетение территориальных связей с распадающимися кровнородственными, в социальной сфере — нередкое сосуществование общины с позднеродовыми учреждениями. Как и любой соседской общине, первобытной присуще переплетение коллективной и частной собственности.

Специфика первобытной соседской общины определяется, во-первых, ее генетической (через переходные этапы) преемственностью с родовой общиной, во-вторых, ее функционированием в первобытных, хотя уже и разлагающихся, обществах.

ности в первобытном обществе как основа периодизации его истории, ТИЭ, н. с., т. LIV, М.—Л., 1960; Ю. П. А в е р к и е в а, Разложение родовой общины и формирование раннеклассовых отношений в обществе индейцев северо-западного побережья Северной Америки, ТИЭ, н. с., т. LXX, М., 1961.

⁷ К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с, Соч., т. 19, стр. 404.

⁸ П е р ш и ц, ук. соч., стр. 166; Ю. В. М а р е т и н, Основные типы общины в Индонезии, ПИДО, кн. I, М., 1968, стр. 340—347; Н. А. Б у т и н о в, Этнографические материалы и их роль в изучении общины древнего мира, в сб. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», Л., 1967, стр. 177—178; о н ж е, Первобытнообщинный строй, стр. 148—154.

Для стадии формирования первобытной соседской общины характерна постепенная замена связей, основанных на родстве, соседско-территориальными, которые на первых порах причудливо переплетаются с родовыми или даже облекаются в кровнородственную оболочку. Например, у чейенов, кроу, тлинкитов, ирокезов, хоши, команчей и других племен североамериканских индейцев наблюдалось сохранение тотемного названия древней родовой общины за новой соседской, распространение терминов кровного родства на односельчан, особенно свойственников, использование родовых святилищ для обрядов, в которых участвовали все общинники, в том числе и те, кто принадлежал к другим родам, и т. д.⁹ У народов Нижнего Амура в прошлом существовал так называемый институт доха, сущность которого заключалась в том, что экзогамные запреты распространялись на группу неродственных родов, связанных соседскими отношениями¹⁰.

Подобное переплетение родовых и соседских связей, чрезвычайно многообразное в конкретных обществах, заставляет поставить вопрос о критериях, позволяющих отличать родовую общину на позднейшем этапе ее развития от первобытной соседской общины.

Родовая община, по наиболее распространенным сейчас среди советских этнографов представлениям, характеризуется не только коллективной собственностью на основные средства производства, но и коллективным производством и равнообеспечивающим распределением¹¹. Относительно распределения надо лишь добавить, что приоритет отдавался интересам общины в целом, а не отдельным индивидам.

В то же время для соседской общины характерно наличие отдельных семейных коллективов, самостоятельно ведущих хозяйство и распоряжающихся произведенным продуктом, и коллективная собственность на основное средство производства. Семьи, представленные в общине, могут быть родственными или неродственными. Коль скоро в хозяйственном отношении они обособлены, это не имеет принципиального значения. Главное, что роль отдельных семей уже в первобытных соседских общинах была весьма велика. Оценивая ее, некоторые этнографы даже склонны впадать в преувеличение и писать о «семейном способе производства»¹².

Еще сравнительно недавно М. О. Косвен отстаивал мнение, что соседская община может существовать только как территориальное объединение неродственных семей¹³. Однако факты говорят об обратном. Например, в горных районах Северной Албании еще в начале нашего века все члены соседской общины считали себя потомками одного предка и избегали вступать в брак друг с другом¹⁴. Соседские общины, состоявшие из родственных семей, еще в XIX в. были нередки на Кавказе¹⁵, а в Афганистане отмечались исследователями и в нашем столетии. Известны они также в Южной и Юго-Восточной Азии и в других регионах¹⁶.

⁹ Ю. П. Аверкиева, Соотношение родовой и соседской общины у индейцев Северной Америки, М., 1964, стр. 5 слл.

¹⁰ «Общественный строй у народов Северной Сибири», М., 1970, стр. 288—289.

¹¹ А. И. Першиц, А. Л. Монгайт, В. П. Алексеев, История первобытного общества, М., 1968, стр. 94—98; Кабо, ук. соч., стр. 238; Маретин, ук. соч., стр. 336.

¹² M. D. Sahlin, Tribesmen, Englewood Cliffs, 1968, стр. 75.

¹³ М. О. Косвен, Семейная община и патронимия, М., 1963, стр. 120—121.

¹⁴ Ю. И. Иванова, Основные проблемы изучения сельской общины на Балканах в работах советских историков, М., 1964, стр. 8.

¹⁵ Э. А. Никольская, Пережитки патриархально-родового строя у аварцев в XIX и в начале XX века. ТИЭ, н. с., т. XIV, М., 1951, стр. 229—231; М. О. Косвен, Этнография и история Кавказа, М., 1965, стр. 15.

¹⁶ С. А. Болдырева, Черты материнско-родовой организации у гаро и кхаси (Ассам), ТИЭ, н. с., т. LXV, М., 1961, стр. 187; Ю. И. Журавлев, Социально-эко-

У кочевников соседская община всегда выступает как совокушность семей, все члены которых, за исключением жен, а в нередких случаях эндогамии включая и их, принадлежат к одному роду или его подразделению. Таким образом, по форме община у них совпадает с родовой, что, кстати, в прошлом вводило в заблуждение некоторых исследователей, архаизировавших присудие кочевникам социально-экономические отношения.

Рассмотренные примеры позволяют согласиться с мнением А. И. Першица, что «под соседской общиной в широком смысле слова следует понимать не только такую сравнительно позднюю организацию, в которой большинство семей не родственно между собой, а родовые связи полностью распались, но и такую, которая состоит из нескольких, даже немногих, подразделений разных родов, связанных между собой теми или иными экономическими отношениями»¹⁷.

На начальных этапах формирования соседской общины не только общинные институты сосуществуют с позднеродовыми учреждениями. Как правило, сосуществуют также общинная и родовая собственность на землю, причем первая иногда даже занимает подчиненное положение.

Последовательные этапы постепенной замены родовой собственности на землю соседско-общинной довольно хорошо прослеживаются в Меланезии. На некоторых островах Ново-Гебридского архипелага деревни хотя и состояли из подразделений нескольких родов, но общины как социально-экономической структуры, по-видимому, еще не образовывали, во всяком случае не имели земельной собственности, отделенной от родовой. На Тробрианских и Шортландских островах, а также на островах Флорида, Сан-Кристобаль, Санта-Анна, Вао, Фате и некоторых других соседская община уже возникла и общинная собственность на землю сосуществовала с родовой и индивидуальным заимочным землепользованием. Следующий этап развития демонстрировало положение дел, сложившееся на о. Амри, где земля принадлежала всей общине в целом, но распределялась между различными родовыми группами и лишь затем между семьями, входившими в их состав¹⁸.

Таким образом, главным структурным критерием, позволяющим выделять соседскую общину в разлагающихся первобытных обществах, служит не столько сосуществование общинной собственности с частной (это разумеется для любой соседской общины), сколько переплетение родовых связей с соседскими. Такая община должна считаться соседской, а не родовой, потому что имеет главную особенность первой — сочетание коллективной собственности с частной. Однако она является не просто соседской, а именно первобытной соседской общиной, так как коллективная собственность в ней представлена двумя формами: общинной и родовой (точнее, родовыми, потому что в отличие от родовой общины, ядро которой составляли представители одного рода или одной унилинейной кровнородственной группы, в первобытной соседской общине жили представители нескольких родов).

Примеры подобных общин слишком многочисленны, чтобы их можно было перечислить. Они были наиболее распространенными у североамериканских индейцев к середине XIX в., а в Африке, к югу от Сахары, —

номические отношения у дулун и ну (середина XX в.), в сб. «Община и социальная организация у народов Восточной и Юго-Восточной Азии», стр. 113—114, 124; Я. В. Ч е с н о в, Народ кава, в сб. «Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии», М., 1968, стр. 157.

¹⁷ П е р ш и ц, ук. соч., стр. 166.

¹⁸ С. А. Т о к а р е в, Родовой строй в Меланезии, СЭ, 1933, № 3—4, стр. 48, 54, 57; «Народы Австралии и Океании», М., 1956, стр. 431—433.

еще в начале XX в. Наличие подобных общин весьма часто отмечается для Юго-Восточной Азии, особенно для Индонезии. Прослежены они также в Океании и у малых народов Сибири.

В качестве конкретного примера первобытной соседской общины приведу некоторые данные о социальной организации хопи — индейского земледельческого племени юго-запада Северной Америки¹⁹. Общину хопи составляли деревни, в которых жили представители нескольких локальных родовых подразделений — линиджей. Каждый линидж в свою очередь распадался на несколько матрилинейных групп кровных родственников. Вместе с детьми и мужьями эти группы составляли расширенные (большие) семьи, внутри которых выделялись малые семьи.

Земля у хопи считалась собственностью всей общины. Часть ее выделялась различным должностным лицам и обрабатывалась силами рядовых общинников, рассматривавших свой труд как компенсацию старейшинам и предводителям за отправление общественно полезной функции управления. Остальная земля была передана в наследственное владение различным линиджам, представленным в общине. В свою очередь земли линиджей распределялись между принадлежащими к ним расширенными семьями. Внутри расширенных семей отдельные поля закреплялись за малыми семьями.

Всей жизнью и хозяйственной деятельностью общины хопи руководил совет во главе со старейшиной, причем каждая должность была наследственной в определенном линидже.

Надо отметить, что первобытная соседская община прослежена как в патрилинейных, так и в матрилинейных обществах, а также в тех первобытных обществах, в которых по недостаточным ясным причинам родовая организация вообще отсутствовала. Но при всех вариациях, наиболее типичным для первобытной соседской общины случаем является сочетание территориальной и родовой организации. Они сосуществуют, частично перекрывая друг друга и различаясь не только своими функциями, но и структурообразующими принципами; в то время как род основан на кровнородственных связях, община покоится на территориально-соседских связях.

Относительно времени возникновения соседской общины в ее первобытной форме единого мнения еще нет. Так, М. О. Косвен полагал, что соседская община в основном характерна для классовых обществ и лишь зарождается на заключительном этапе разложения первобытного общества (он пользуется термином «военная демократия») ²⁰. Сходного мнения, кажется, придерживался А. И. Неусыхин ²¹. По этнографические материалы скорее говорят о том, что первобытная соседская община присуща почти всей длительной эпохе разложения первобытнообщинных отношений. Об этом же в какой-то мере свидетельствуют также данные археологии. В Дании уже в поселениях бронзового века в пределах каждой деревни отчетливо видны границы семейных участков и общинного пастбища ²². Еще раньше нечто подобное наблюдается на неолитическом Кипре ²³.

¹⁹ C. D. F o r d, *Hopi Agriculture and Land Ownership*, «Journal of the Royal Anthropological Institute», 61 (1931); E. E g g a n, *Social Organization of the Western Pueblos*, Chicago, 1950.

²⁰ М. О. К о с в е н, К вопросу о древневосточной общине, ВДИ, 1967, № 1, стр. 32.

²¹ А. И. Н е у с ы х и н, Дофеодалный период как переходная стадия развития от родо-племенного строя к раннефеодалному. (На материале истории Западной Европы раннего средневековья), ПИДО, кн. I, стр. 599, 616.

²² G. H a t t, *Landbrug i Danmarks Oldtid*, København, 1947, стр. 76 сл.

²³ V. G. C h i l d e, *The Prehistory of European Society*, Harmondsworth, 1958, стр. 69.

В связи с вопросом о генезисе первобытной соседской общины надо коротко остановиться на проблеме так называемой домово́й общины, т. е. большой семьи, которую М. М. Ковалевский считал необходимой промежуточной ступенью между родовой общиной и соседской²⁴. Эта точка зрения обратила на себя внимание Ф. Энгельса в «Происхождении семьи, частной собственности и государства», однако он отнесся к ней весьма сдержанно, справедливо отметив, что она «создает новые трудности и вызывает новые вопросы, которые еще требуют своего разрешения»²⁵.

Взгляды М. М. Ковалевского пользуются известной распространённостью и в наши дни, но они плохо подтверждаются фактическим материалом. Во-первых, выясняется, что исторически большая семья и соседская община — явления в основном одновременные. Во-вторых, имеются основания полагать, что в отличие от соседской общины большая семья вообще не универсальна. Наконец, в-третьих, соседская община и домовая община располагаются на различных таксономических уровнях. Поэтому можно согласиться с теми исследователями, которые полагают, что «переходной формой от родовой общины к соседской общине классового общества была не большая семья, а первобытная соседская (гетерогенная, соседско-родовая) община»²⁶.

За свою многовековую, кое-где даже многотысячелетнюю историю первобытная соседская община, разумеется, не оставалась неизменной. Ее эволюция определялась, во-первых, общими процессами разложения первобытнообщинных отношений, во-вторых, борьбой коллективистского и частнособственнического начал, в-третьих, конкуренцией между кровнородственными и территориальными связями. Хотя род и община как формы социальной организации в разлагающихся первобытных обществах дополняют друг друга, создавая для индивидов и их семей двойную линию защиты, между ними идет определенная борьба за сферу влияния. Конечная победа соседских связей над родовыми определялась уже тем, что сама община была не только одной из форм социальной организации, каковой практически стал поздний род, но организацией социально-экономической, в которой социальные связи переплетались с производственными. Кроме того, на особенности первобытной соседской общины оказывали воздействие факторы локально-временного и географического порядка, такие как системы хозяйства, особенности общественного разделения труда, уровень развития производительных сил, специфика общественной структуры и т. д.

Поэтому в конкретных обществах первобытная соседская община представлена самыми различными вариантами и разновидностями. Всем им присущ дуализм собственности, а большинству — также наличие двух видов коллективной собственности, которые позволяют в типологическом отношении рассматривать подобные общины как ранний, первобытный этап соседской общины. В то же время особенности сочетания и проявления этих видов собственности и связанные с ними структурные особенности общины создают чрезвычайно пеструю и многообразную мозаику конкретных форм и вариантов, с трудом поддающуюся дробной типологизации, особенно в синхронно-стадиальном срезе. Поэтому попытки создать подобную типологию пока не вышли за пределы отдельных регионов.

Значительно чаще предпринимаются попытки создать диахронную типологию общин в разлагающихся первобытных обществах. Так, например, Ю. В. Маретин выделяет в них два типа общин: соседско-родовую и сосед-

²⁴ М. Ковалевский, Очерк происхождения и развития семьи и собственности, М., 1939, стр. 144 сл.

²⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, соч., т. 21, стр. 140.

²⁶ Бромлей, Першиц, ук. соч., стр. 30.

ско-большесемейную, последовательно сменяющих друг друга по мере экономико-технологического прогресса, усиления соседско-территориальных связей и ослабления родовых²⁷.

По-видимому, в этой интересной схеме верно отражена наиболее общая тенденция развития общины. Но ее универсальность вызывает определенные сомнения, а главное, история общины в конкретных регионах далеко не всегда совпадала с теоретической моделью²⁸.

С одной стороны, уже в разлагающихся первобытных обществах известны соседские общины, в которых родовые связи не имели сколько-нибудь существенного значения. С другой стороны, наличие родовых подразделений и, соответственно, их собственности отмечено во многих соседских общинах классовых обществ. Прямая связь между уровнем развития производительных сил и темпами изживания родовых и большесемейных элементов в структуре соседской общины также представляется сомнительной. Наконец, необходимо учитывать возможность регенерации общины и ее институтов.

Не только конкретные формы первобытной соседской общины, но и пути ее разложения или эволюции не являются однообразными. Приведу несколько примеров, сразу же оговорившись, что они ни в коей мере не претендуют на какую бы то ни было типологию.

Известны случаи, когда земля становится частной собственностью еще до возникновения государства или в процессе его возникновения. Подобное явление имело место на некоторых островах Меланезии и Полинезии²⁹. Например, на Таити вся земля уже составляла частную собственность отдельных семей. Не было только купли-продажи земли, но право завещания уже существовало. Соответственно сошли на нет экономические функции общины в качестве регулятора землевладения и землепользования, организатора коллективных работ и т. д. Ее социальные функции ограничивались совместной постройкой общественных домов, совместным проведением деревенских праздников и соседской взаимопомощью. На Гавайских островах с их хуторной системой расселения расширенные семьи были высшим и единственным таксономическим уровнем общины. Таким образом, в данном случае мы сталкиваемся с примером того, как первобытная соседская община прекращает свое существование, не трансформируясь в соседскую общину классовых обществ. Если община и существовала, то лишь во втором ее значении, как социальная и территориальная структура.

В других случаях соседская община, соответствующим образом эволюционируя, доживает до возникновения государства, а в дальнейшем прекращает свое существование, быстрее или медленнее, в зависимости не только от развития классовых отношений, но и от их конкретной направленности. Возникновение аллода и превращение соседской общины в марку отчетливо прослеживается на примере раннесредневековой Западной Европы³⁰. Марку обычно считают или самостоятельным типом общины, или последней стадией существования соседской общины, в ко-

²⁷ М а р е т и н, Основные типы общины в Индонезии; о н же, Стадиальная типология общин, «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», вып. II.

²⁸ Л. Б. А л а е в, Проблема сельской общины в классовых обществах. (Историография вопроса), «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», вып. II, стр. 170—173.

²⁹ «Народы Австралии и Океании», стр. 616, 647—648, 735; С. А. Т о к а р е в, Происхождение общественных классов на островах Тонга, СЭ, 1958, № 1.

³⁰ См. А. И. Н е у с ы х и н, Возникновение зависимого крестьянства как класса раннефеодального общества в Западной Европе VI—VIII вв., М., 1966.

торой частнособственническое начало получило наибольшее развитие³¹. Вторая точка зрения кажется более обоснованной. Важно, однако, отметить, что и в данном случае, теряя свои производственно-экономические функции, община может сохраняться как социальная и территориальная структура, выступающая в общем контексте государственных связей как административно-фискальная, самоуправляющаяся и т. д. единица.

Однако отмеченные случаи представляются скорее исключением, чем общим правилом. В большинстве же регионов земного шара соседская община продолжала свое существование и оказывалась устойчивым элементом общественной структуры и в докапиталистических классовых обществах. Более того, там, где она разрушалась под влиянием внешних условий, община демонстрировала поразительную способность к регенерации. По-видимому, во многих докапиталистических классовых обществах соседская община была не только важным, но и необходимым элементом стабильной общественной структуры.

Соседские общины классовых обществ по типологии их внутренних структур представлены двумя основными формами. Во-первых, это собственно соседские общины, внутри которых родовые связи и родовая собственность уже не имеют сколько-нибудь существенного значения. Во-вторых, это такие общины, в которых продолжают сосуществовать все три формы собственности, характерные для первобытной соседской общины: частносемейная, родовая и общеобщинная. Примером живучести архаических форм соседской общины служат многие африканские общества к югу от Сахары.

В связи с Африкой позволительно обратить внимание на два вывода, к которым теперь склоняется большинство африканистов, но которые заслуживают проверки и на материалах других регионов.

Первый сводится к тому, что наличие сильной общины оказывается фактором, обуславливающим замедленные темпы становления классовых отношений³². Второй вывод наиболее четко сформулирован Л. Е. Куббелем: «Как правило, сохранение сильной общины при становлении классового общества почти однозначно предопределяет невозможность консолидации последнего в форме общества рабовладельческого»³³.

Таким образом, по своей внутренней структуре соседские общины некоторых классовых обществ мало чем отличаются от первобытной соседской общины. Это побуждает остановиться на критериях, позволяющих их разделять. Последнее представляется тем более важным, что в последнее время некоторые исследователи склонны подчеркивать сходство или даже тождество первобытной соседской общины (семейно-родовой или соседско-большесемейной, по их терминологии) с переднеазиатской общиной III—II и даже I тыс. до н. э.

Мне кажется, такой критерий следует искать не только и не столько в формальном структурном сходстве или различиях, но и прежде всего в различиях самих условий существования и функционирования, не столько внутри общины, сколько вне ее, в широком контексте всей совокупности общественных связей и особенно тех из них, которые имеют вертикальную направленность.

³¹ С. Д. Зак, Сравнительная характеристика германской и русской крестьянской общины в трудах Маркса и Энгельса, «Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы», вып. II, стр. 199.

³² «История Африки в XIX — начале XX в.», М., 1967, стр. 14.

³³ Л. Е. Куббель, Введение к сб. «Социальные структуры доколониальной Африки», М., 1970, стр. 5.

Первобытная соседская община функционирует хотя и в разлагающихся, но все же еще первобытных обществах, где отношения эксплуатации уже существуют, но еще не стали преобладающими. Та часть совокупного прибавочного продукта, которая в той или иной форме поступала в распоряжение должностных лиц общин или предводителей межобщинных объединений, рассматривалась как компенсация за отправление общественно полезной функции управления и организации производственных процессов и отчасти действительно была таковой. Регулярное налогообложение отсутствовало.

Соседская община в классовых обществах функционирует уже в качестве иных условиях, определяющихся отношениями эксплуатации, господства и подчинения, наконец, наличием государства.

Хорошо известно, что различные формы соседской общины являются если не обязательной, то чрезвычайно распространенной структурой в системе классовых обществ, основанных на натуральном хозяйстве. Иногда они даже умышленно консервируются господствующими классами. Однако тот изначально присущий соседской общине дуализм, который не может полностью реализоваться в первобытном обществе, в классовых рано или поздно реализовывается. Община или подвергается эксплуатации в целом, или выделяет из своей среды как эксплуататоров, так и эксплуатируемых, причем один из этих путей развития не исключает другого.

Вопрос о специфике переднеазиатских общин III—II тыс. до н. э. или античного полиса выходит за рамки этой работы. Надо лишь заметить, что переднеазиатские общины в генетическом отношении, по-видимому, были прямыми наследницами первобытной соседской общины. Значительно сложнее вопрос о преемственности последней с полисом как формой устройства гражданской общины. Различия между ними достаточно очевидны, и их нельзя игнорировать. Возможно, существовал необходимый переходный этап для трансформации соседской общины (тем более в ее ранней первобытной форме) в полис. Вопрос, следовательно, заключается в том, насколько успели и должны были успеть разложиться соседские общины, чтобы иметь возможность конституироваться в полисную организацию.

Итак, в одних случаях соседская община сравнительно быстро прекращает свое существование, а в других, напротив, демонстрирует чрезвычайную живучесть. Одним фактором — даже уровнем развития производительных сил или уровнем общественного развития — этого не объяснить. Полинезийское общество по своему развитию отставало даже от древней Месопотамии, можно привести и другие примеры. Очевидно, необходимо учитывать и иные факторы, например, такие как конкретные системы хозяйства, наличие или отсутствие свободных земельных ресурсов, специфика общественного разделения труда, уровень развития товарного производства, политика господствующего класса, преобладающие формы эксплуатации и т. д. Совокупность их, видимо, и определяла конкретные исторические судьбы соседской общины.

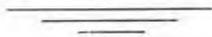
THE COMMUNITY IN DECAYING PRIMITIVE SOCIETIES AND THE DETERMINANTS OF ITS FURTHER EVOLUTION

A. M. Khazanov

Acknowledging that the term «community» (*obshchina*) is polysemantic, the author defines it in application to primitive society as designating a structure whose connective elements were predominantly socio-economic. He discusses the character of the commu-

nity in primitive societies which are in the process of disintegration. In this context he believes the characteristic early form of the community to be that of a socio-economic entity composed of families operating independent economies who are united with one another by territorial proximity, production processes and joint property in the principal means of production (land, pasturage, income-producing enterprises). The specific feature of this early type of neighbourhood community is the intermeshing of territorial association with a loosening of tribal kinship bonds.

The author discusses the typology and genesis of primitive neighbourhood communities and the evolutionary tendencies of their structure, which are causally connected with the disintegration of kinship (clan) ties. The neighbourhood communities of class societies differ from those of primitive societies not so much in respect to formal criteria as in respect to the conditions in which they exist and function, considered in the broad context of their connective elements taken as a whole, especially those connexions which have a vertical direction. The particular character of the evolution of a neighbourhood community in a class society depends on a complex of social factors: the system of economic exploitation, the presence or absence of still unexploited land resources, the particular form taken by the division of labour, the level of development of commodity production, the policies of the dominant class, the prevailing mode of exploiting labour, and so on.

РЕПОЗИТОРИЙ ГГУ ИМЕНИ Ф. СКОБЫ